

ПАРЕМИЙНЫЙ ФОНД НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА КАК КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ДЛЯ СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Г. Миронова, Т. Юржичкова

Обозримый отсчет значимости паремий мы обнаруживаем у античных авторов. Так, например, Аристотель, характеризуя пословицы и поговорки, отмечал, что они суть остатки древней философии, теряющейся среди величайших утрат человечества, и сохранились благодаря своей краткости, красоте и остроумию.

Философия предков, их мировоззрение, зафиксированные ярко, красочно, кратко да еще и остроумно представляют незаменимый материал как для культуролога, лингвострановеда, так и для преподавателя-практика, лингводидакта, осознающих, что язык должен вливаться в сознание студента вместе с историей, культурой и актуальными вопросами жизни другой страны (тем более, что иногда внеязыковые явления, зафиксированные в столь изящной застывшей форме вызывают интерес там, где аборигены его не проявляют).

В контексте личностно-деятельностного подхода с учетом коммуникативных потребностей обучающихся русскому/чешскому как иностранному мы решили обратиться к паремиям, единицами которых являются слова, входящие в лексический минимум как студента-первокурсника филолога, так и любого человека, знакомящегося с чужим языком.

Это элементы универсального (имеется ввиду обезличенного, незакрепленного в настоящее время за полем), но жизненно необходимого облачения человека: *р. рубашка/сорочка, штаны/брюки, ботинки/сапоги* и их чешские эквиваленты.

Итак, первая пара слов: *рубашка/сорочка*. Не случайно берем их в паре, ибо на первый взгляд это абсолютные синонимы, но это только на первый, т. к. несмотря на древность обоих (зафиксированы в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях, семемный состав их в современном языке различен: *рубашка* имеет в два раза больше значений, среди которых "цвет шерсти, масть" (как не вспомнить здесь *содрать последнюю рубашку, содрать шкуру*) и "верхний, покрывающий слов, оболочка, например у плода, кокона" (ср. *родиться в рубашке*).

Более глубокая "проработка" семантической структуры анализируемого слова свидетельствует о его большем удельном весе в языке,

большем употреблении, освоении, отсюда значимости как языковой, так и шире - культурной. Можно предположить, что это одна из причин того, что практически во всех паремиях для номинации соответствующей реалии использовано слово рубашка; оно же (его 4-ое значение) стало основой для создания специальных терминов (*охлаждающая рубашка/ракеты*/, *защитная/сердца, мартена*/, *водяная/электро-сварщика*/, *металлическая/алмазы*/, ср. ч. *havířská halena* /одежда для металлургов/.

Так, общеизвестна паремия *в рубашке родиться* (а не *в сорочке*); *родиться без рубашки* в языке отсутствует, но существует в виде *родился без рубашки, так и умру без штанов*. Развернутость текста переносит нас из образного плана в бытийный, однако наличие ук. "*народиться без сорочки*" "*бути нещасливим, безталанним, невезучим*" дает основания предположить потенциально существующую/существовавшую в указанном выражении транспозицию.

Мировоззренческие установки древнего славянина, его антропоцентризм, противопоставление "свое-чужое" прослеживаются в паремиях *своя рубашка ближе к телу, чужая рубашка не греет* (эквиваленты используются практически во всех славянских языках). Существующее в русском языке как название реалии нашей сегодняшней жизни *смирительная рубашка* более глубоко может быть интерпретирована благодаря наличию в украинском *не в своїй сорочці (льолі)*, что означает "психически больной человек" (ср. известное *не в своей тарелке* и ч. *zvuk je železná košile*, что сопоставимо с распространенным выражением *привычка - вторая натура*. Но не это сейчас для нас интересно, а то, что этимологическое исследование слова *сорочка* ведет нас к англо-сакс. *serce* "панцырь, железная одежда" (вот откуда, видимо эта "железная рубашка" в чешском языке, с одной стороны, и невозможность ассоциаций с оболочкой, второй кожей у человека, с другой).

Мини-выводы, напрашивающиеся после наших построений-предложений: 1) очень осторожная работа с синонимами (ведь недаром исследователи уделяют большое внимание анализу синонимической близости членов синонимической цепочки/Павел, Супрун и др./); да, они обогащают нашу речь, раскрывают богатство и разнообразие словарного запаса языка, но различие значений и оттенков значений слова, их правильное/корректное употребление (особенно, если речь идет о таких "застывших" формах как паремии) обязательно должно учитываться при подаче материала; 2) в изучении подобного материала определенное значение имеет этимологический анализ стержневых лексем; знакомство с историей слова повышает мотивацию его усвоения и т. о. закрепляет в памяти студента новые приобретенные единицы языка, способствует расширению общей эрудиции; 3) привлечение

соответствующего материала других родственных языков, т. е. расширение исследовательской базы (что давно успешно применяется в исторической компаративистике) позволяет реконструировать недостающие семантические звенья анализируемого материала и тем самым удостовериться в правильности наших построений.

П. Г. Богатырев, говоря о народном костюме, отмечал, что всякая вещь в народном быту обладает целым пучком функций: практической, сословной, эстетической, магической, функцией территориальной принадлежности и некоторыми другими. Подтверждением этого глубокого наблюдения могут быть паремии *в рубашках орать/землю/*, *в шубах сиять* (чему нет аналога в чешском) и *Параши-то ваша, да рубашка на ней наша* (ср. менее экспрессивное ч. *vzít si holku bez košile*).

Текст очень древней паремии *знай рубаха да подоплёка* вызывает недоумение не только у простых смертных русских, но и у преподавателей русского языка, недостаточно владеющих культурологическими данными в этой области. Изначально возникает вопрос: что означает *подоплёка* вообще и в этом контексте конкретно. *Подоплёка* соврем. "второй слой, план, другая сторона медали", но это современное значение слова, обусловленное не языковыми факторами, а причинами экстралингвистического характера: нужно знать *крой* рубахи для того, что объяснить первоначальное значение данного слова (это *подоплечье, подплечки, подоплечина*, т. е. та часть материала, которая подшивалась на основной край рубахи и при желании или необходимости могла быть легко заменима, что имело практическое значение. Отсюда и трактовка паремии: *Знай рубаха да подоплёка* "никому не скажу, знать может лишь моя вторая кожа, моя шкура" (ср. известное выражение *держат язык за зубами*). Как это донести до носителя чешского языка? Только описательно? Аналогичные трудности будут у преподавателя русского языка, пытающегося передать русским семантику ч. *zmrzlá košile*.

Очень часто употребляющееся в разговорной практике русских *рубаха-парень* не вызывает трудностей с описанием характера такого разухабистого молодца, простого, общительного, бескорыстного человека. Но ведь это выражение дает возможность: 1) вернуться к исходному - вспомним древнее противопоставление "свое-чужое" и удивительно точное и тонкое определение роли моделирования как приема научного исследования Я. А. Коменского: модель дает возможность сделать невидимое видимым, отсутствующее - присутствующим; и отсюда: коль это *рубаха-парень*, то "свой", подтверждением сему предположению есть дальнейшее развитие исходного конструкта - *парень-рубашка /шутливо/*; 2) существование в русском языке таких выражений *вопрос стоит руба, поставить вопрос руба/*, т. е. "прямо, без обиняков", *просто/рубить с плеча, нарубить/наломать дров, рубить кана-*

ты, рубить под корень (ср. также жарг. р. *рубать* "есть, вкусно, с удовольствием, т. е. просто, значения которых прозрачны и легко уязвляются с вышесказанным).

Таким образом, называя фразеологизм "памятью прошлого" и соотнося его с настоящим, нам необходимо знать не только идиоматическое значение единицы (т. е. то, что мы понимаем под этим фразеологизмом сегодня, но и его происхождение. Носитель чужого языка может запомнить данное устоявшееся выражение и его значение, но отдельно взятые слова приобретут для него конкретный смысл только после выяснения их происхождения, ибо эквивалентов в родном языке нет; 2. Паремийный фонд следует использовать как фактор формирования "зоны образно-эмоциональной культурной памяти; постоянное введение так называемых "нейтральных" слов, обладающих большой культурной значимостью и способностью структурировать вокруг себя семантическое поле со сложной архитектурой происходит не только за счет количества, но и качества, т. е. появления новых семем; 3. Культурологический аспект значительно облегчает освоение литературной нормы, орфоэпических и грамматических правил, помогает переводить пассивное знание языка в активное, интереснее и очевиднее становится цель овладения языком.

Проявлением крайней степени бедности есть р. у него и рубаха заложена, что может быть соотнесено с более ярким и запоминающимся ч. *vuplatil košili a zastavil sukni*. Эта же тема, но как "смежь слезы" прослеживается в выражении *цёголь собака, что ни год рубаха, а портам и смены нет*. В данном случае сложность для интерпретатора будет заключаться в лексеме *порты*, тем более, что в русском языке с этим словом, означающим "штаны, брюки", изначально бывшим родовым названием "одежды вообще" (т. е. социально значимым словом) связано огромное количество паремий: *сам без рубахи пойду, а с тебя порты стяну; седлай порты, надевай коня* ("суета и бестолочь, неразбериха"); *портной без портов, сапожник без сапог, а плотник без дверей*, аналог в ч. *sám švec chodí bos*. Думается, что последнее выражение должно помочь студентам удивить в цепочке *порты-портной-портняжить* не только деривационную, но и лексическую семантику и тем самым найти аналог для перевода и осмысления. Хотя определенные трудности останутся, ибо лексема *порты* могла означать не только общее понятие одежды, но и очень частное; видовое "нижнее белё" (о чем свидетельствует вариант пословицы "*сам наг пойду, а с тебя порты стяну*").

Иногда чешское или русское слово по орфоэпической форме совпадает с русским/чешским словом, что вселяет в билингва уверенность и в содержательной эквивалентности этих единиц (ср. ч. *kalhoty, boty*). Отсюда непонятно для русских, почему *chodit v kalhotách (o ženě): ona*

nost и *nich* в *rodině kalhoty*- аномально; а ведь "человек прежде всего замечает аномальные явления. Было бы неэкономно доводить до сведения других все то, что соответствует норме". Русский напрямик будет соотносить ч. *vyrostlý z dětských kalhot*"вырасти из ползунков". После этих недоразумений еще одним ударом (но уже другого порядка) может быть для русского и то, что если чех и трусит, то не настолько, как это происходит при испуге у русского, ибо у русского *сердце уходит в пятки*, а чех *mít srdce až v kalhotách* (хотя есть вариант и ниже: оно может упасть *do holénky, do bot*).

Большой антропоцентризм свойственен русскому человеку (можно предположить, что соответствующие паремии русского языка более древни по происхождению, нежели чешские): ср. р. *окинуть взглядом/осмотреть кого-либо от головы до пят*; ч. *prohlížet si někoho od hlavy k botám*, р. *подошвы чешутся*, ч. *měť toulavé boty*, (хотя у русских есть и *быть сапогам за плечами, болтаться сапогам на посохе*), р. *только пятки замелькали, мелькнуть пятками*, ч. *prásknout do bot, dát do krpec*. В последнем случае, правда, возможны замечания относительно не полной адекватности семантики, ибо при более тщательном анализе можно говорить о некотором смешивании значений, близких по смыслу или эмоциональной окраске "скорость бега" и "страх, боязнь".

Образное мышление у наших предков (как русских, так и чехов) очень близко в области передачи социального/сословного равенства-неравенства: ср. р. *рукавички барановые, а сапожки сафьяновые*; с зеркальным отражением у чехов *navrch huj, a ve spod fuj*; р. *Каков женишишка, таковы и его сапожишки* (см. менее эмоциональное в чешском; *Jaký pán, takový krám*; р. *сапог сапогу пара* (более соответствует ч. *vrána k vráně*, нежели *jako vejce vejci*, ибо в первом случае речь идёт о негативных чертах человека, а во втором /чешский вариант/ о близости, схожести чисто физиологической (ср. также ч. *jeden za 18, druhý bez dvou za dvacet*).

Социально маркированному в р. *сапог* противопоставляется *лапоть*: *Чем лаптю кланяться, так уж поклонюсь сапогу*, или ср. *"Не пойду я за такого, что ботиком скрип, скрип! Ой пойду я за такого, что лаптяком (лапотком) шам, шам!* В чешском языке сословная функция обуви выражена иначе: *sláma čouhá/trčí, kouká/ z bot* или *má slámu v botách*.

Абсолютно идентично отношение у чехов и русских к угодничеству, уничижающему гордость человека: р. *лизать сапоги, быть под сапогом*, ср. ч. *lízat boty*; менее экспрессивно в чешском передано часто употребляемое русскими *"сапоги каши просят"* (ср. ч. *boty už volají po opravě*).

Трудно соотносимы на первый взгляд ч. *mít do bot* с русским *по горло, по самое горло*. Однако тематическое расширение анализируемо-

го материала позволяет наметить пути ассоциативного мышления наших предков: ср. р. *ругается, как сапожник*. Чешское *uzouit se z bláznivých bot* перекликается со *смирительной рубашкой* в русском языке. У чешской паремии возможна и другая интерпретация, обусловленная специальной конструкцией, точнее декором обуви придворного шута; для ч. *udělat botu, Ťci botu* адекватней всего может быть украинское *пустити бульбу*, р. "дать маху", а возможно и выражение *сапоги всмятку* ("чепуха, вздор, полная бессмыслица").

Современная лингвистика ориентирована на глубокое изучение взаимоотношения "человек-общество-язык", что обуславливает приоритетность описания паремийного фонда национального языка как культурологического источника, как феномена национальной культуры, как способа отражения формирования языковой картины мира, что в свою очередь, связано с разрешением более общей проблемы взаимодействия когнитивных и номинативных процессов. Вот почему так ценно для нас одно из важнейших положений концепции Я. А. Коменского: "Всякая вещь происходит от своих причин... Вскрыть причины происхождения вещи - это значит преподать истинное значение вещи. Знать - это значит понять вещь через познание причин; причина есть путеводительница ума" (Великая дидактика. // Педагогическое наследие. Я. А. Коменский. Д. Локк. Ж. Ж. Руссо. И. Г. Песталоцци. М., 1988, с. 75).